

Ильясова Светлана Васильевна, Амири Людмила Петровна: *Язык СМИ и рекламы: игра как норма и как аномалия.* Москва, Флинта, Наука, 2018, 328 с., ISBN 978-5-9765-2075-2 (Флинта), ISBN 978-5-02-038858-1 (Наука)

Рецензируемая монография посвящена исследованию разнообразных приемов языковой игры, представленных в современных российских средствах массовой информации и рекламе. Актуальность темы очевидна, поскольку языковая игра, проявляющаяся на всех уровнях языка, получила в настоящее время широкое распространение в текстах газетного и рекламного дискурса.

Монография состоит из предисловия, семи глав, списка использованной литературы, насчитывающего 249 наименований, а также списка сокращений.

В первой главе «СМИ, реклама и языковая игра» рассматриваются особенности языка современных средств массовой информации, которые к началу XXI в. превратились в сильнейшее средство воздействия на массовое сознание: «Можно сказать, что в СМИ функция воздействия, убеждения начинает вытеснять остальные языковые функции (например, информирование), и средства массовой информации превращаются в средства массового воздействия» [с. 12]. Затрагивая вопрос изменения массмедийной нормы в сторону снижения, авторы обращают внимание на то, что сниженная лексика нередко используется в современных СМИ в качестве базы для языковой игры. Выявляются также отличительные характеристики рекламного текста, представляющего собой «особый тип текста, в котором прагматичность реализуется единицами практически всех языковых уровней» [с. 22]. Говоря о нормативных аспектах рекламного текста, авторы отмечают: «Понятие нормы в рекламном тексте носит сравнительно относительный характер. Скорее можно говорить о некоей типологии отступлений от языковой нормы, чем следовании ей при создании рекламного текста» [с. 27].

Обобщая результаты изучения феномена языковой игры в российском языкознании конца XX – начала XXI в., С. В. Ильясова и Л. П. Амири выделяют два основных подхода к языковой игре (ЯИ): «представители первого связывают ЯИ с сознательным нарушением нормы, вторые видят в ЯИ отклонение от определенных правил, но в пределах нормы в обоих определениях подчеркивается деструкция речевой нормы и творческий характер ЯИ» [с. 33].

Подробно анализируются функции языковой игры в СМИ и рекламе. Обращая внимание на то, что «манипулирование языком в игровых целях может иметь не тот результат, на который адресант рассчитывал» [с. 40], авторы монографии исследуют причины возникновения коммуникативной неудачи в языке массмедиа и рекламы.

Вторая глава «Фонетическая игра в рекламе» посвящена анализу звукового образа рекламного текста и выявлению наиболее широко применяемых в рекламе приемов языковой игры на фонетическом уровне, к которым относятся звукоподражание, игра с омографами и омоформами, обыгрывание межъязыковой омонимии и т.п. Выделяя три плана реализации фонетической игры в рекламе (звуковой, звукографический, графический), Л. П. Амири справедливо отмечает, что «орфографическая ошибка как игровой прием, сопровождающий фонетическую ЯИ, всегда придает тексту комический эффект» [с. 57].

В третьей главе «Графическая игра» исследуется широко распространенный в современной публицистике и рекламе феномен манипулирования средствами графики. Российские лингвисты неоднократно обращались к исследованию данного явления, о чем свидетельствует многообразие терминов, предлагаемых для обозначения слов, созданных путем графической трансформации исходной узуальной лексемы: *графические каламбуры* (В. Г. Костомаров), *визуальные неологизмы* или *неологизмы-написания* (Е. В. Маринова), *графические окказионализмы* (Б. В. Кривенко), *графодериваты* (Т. В. Попова). Некоторые ученые выделяют особый способ образования слов, возникающих в результате графических манипуляций: *графиксация* (В. П. Изотов) или *графодеривация* (Т. В. Попова). Особое внимание авторы монографии уделяют рассмотрению явления псевдомотивации, которое лежит в основе механизма графической игры и проявляется в «разрушении устойчивых, привычных связей между словами и создании новых, неожиданных» [с. 63]. В продолжении главы приводится детальный анализ приемов графической игры, под которой понимается «такое использование разнообразных средств параграфематики: шрифтового выделения, варьирования шрифтов, символов, скобок, кавычек и др., –

которое направлено на реализацию воздействующей функции языка СМИ и рекламы» [с. 68]. Как показывает материал, в языке СМИ самым распространенным приемом графической игры является капитализация, заключающаяся в выделении части слова при помощи прописных букв, а наиболее частотны примеры графического выделения корневой или служебной морфемы, например: **УДАРник** *полевого труда*; *Борьба ИДЕЙного уровня*; **переЗАгрузка** и др. [с. 68–69]. Подробно рассматриваются примеры графической игры с именами собственными (антропонимами, топонимами, а также названиями, относящимися к сфере массовой культуры) и аббревиатурами. Исследуются разновидности графогибридизации, в результате которой создаются окказионализмы, оформленные при помощи графических средств разных языков (игра с кириллицей и латиницей), например: **LENNYнград** (заголовок статьи о визите рокера Ленни Кравица в Северную столицу); **PRузнания PРекрасных** *незнакомок* и т.п. [с. 87–93]. В одном разделе объединены менее частотные типы графической игры, встречающиеся в языке современных СМИ, к которым относятся дефисация, пробел, квотация, парентезис, графоморфоактуализация, слияние, исправления, вставки и др. [с. 93–99]. Особый раздел посвящен анализу игрового приема, заключающегося в нарушении «привычного графического облика узуального слова» и создании его «искаженного двойника» [с. 99]. Для обозначения подобных лексических единиц С. В. Ильясова предлагает термин *орфографические окказионализмы* и представляет разработанную ею на основе конкретного языкового материала типологию слов, появляющихся в текстах СМИ в результате намеренного нарушения орфографических норм русского языка [с. 99–104]. Во второй части третьей главы монографии рассматриваются особенности применения графической игры в рекламе. Использование графических приемов направлено на привлечение внимания потенциального потребителя, при этом именно «слияние словесного и визуального языка максимально способствует успешной реализации рекламного текста» [с. 106]. Проводится подробный анализ псевдочленения как приема графической трансформации текста, возникающей в результате шрифтовыделения. Игра со шрифтом и цветом позволяет извлекать из узуальной языковой единицы дополнительный смысл, привлекая внимание реципиента и вызывая у потенциального потребителя положительные ассоциации, связанные с рекламируемым продуктом. Исследуя различные способы реализации графической игры в рекламе, Л. П. Амири особое внимание уделяет использованию в рекламном тексте латиницы, а также параграфемных элементов – мате-

матических знаков (цифр), физических и денежных символов, знаков препинания, перевёрнутых букв и т.п.

В четвертой главе «Морфологическая игра» исследуется игровой потенциал морфологии русского языка, который «используется при создании массмедийных и рекламных текстов не столь активно, как, например, лексический» [с. 136]. Причину данного явления авторы монографии видят в закреплённости в грамматике современного русского языка морфологических признаков слов, от которых «в первую очередь зависит внутренняя структура языка, менее подверженная изменениям, чем внешняя» [с. 136]. Тем не менее именно языковая игра на морфологическом уровне является, по мнению авторов, «одной из самых сложных и тонких видов ЯИ в языке СМИ и рекламы» [с. 137], так как для ее понимания реципиент должен применить определенные языковые знания. К наиболее распространенным приемам морфологической языковой игры С. В. Ильёсова и Л. П. Амири относят образование окказиональных степеней сравнения от узуальных и окказиональных относительных прилагательных и имен существительных.

В пятой главе «Словообразовательная игра» рассматриваются словообразовательные инновации в языке СМИ и рекламы. Отмечается, что экспрессия в языке современных российских СМИ «побеждает» стандарт, что особенно ярко проявляется на словообразовательном уровне, так как даже те новообразования, которые созданы по высокопродуктивным моделям, «воспринимаются как необычные, номинативная функция явно подавляется экспрессивной» [с. 145–146]. Новые слова, созданные в результате языковой игры, анализируются в соответствии с их частеречной принадлежностью: рассматриваются имена существительные (агентивные и отвлеченные), имена прилагательные, отыменные глаголы, мотивированные существительными (нарицательными и собственными) и аббревиатурами, причастия и наречия. Особое внимание уделяется анализу использования ключевых слов как базы для словообразовательной игры в СМИ и исследованию таких продуктивных в современном медийном словотворчестве приемов, как контаминация, «предсказамус-прием» (образование слов по конкретному образцу), «фокус-покус прием» (рифмовка созвучных слов, одно из которых является искаженным двойником другого), заменительная префиксация и др. Вторая часть главы посвящена характеристике словообразовательной игры в рекламном тексте. Исследуются процессы образования окказиональных инноваций в языке российской рекламы, которые «чаще всего созданы по образцу существительного, глагола, прилагательного и наречия» [с. 234]. Подробно рассматривается контаминация

как разновидность окказионального словообразования, при этом подчеркивается, что особенно часто в последнее время в рекламном тексте встречаются «контаминации с графически выделенным сегментом или суперграфемы» [с. 235].

Шестая глава «Игра с прецедентными феноменами» начинается с обзора исследований, посвященных феномену интертекстуальности и прецедентности, а также предлагающих различные классификации прецедентных единиц. По мнению авторов монографии, можно говорить о выделении нескольких аспектов изучения прецедентности в современной лингвистической науке: когнитивного, прагматического и лингвокультурологического. Отмечая, что «уже само включение прецедентного феномена в текст можно рассматривать как ЯИ со свойственной ей экспрессивностью и оценочностью», С. В. Ильясова и Л. П. Амири говорят о значительном усилении экспрессивного эффекта, являющегося результатом «разного рода трансформаций, которые происходят в прецедентных феноменах по воле автора» [с. 252]. На материале заголовков, выбранных из языка периодической печати начала XXI в., подробно исследуются трансформированные прецедентные тексты, к которым относятся стихотворные и прозаические цитаты, строки из известных песен, названия художественных и публицистических произведений, кинофильмов, а также пословицы, поговорки, крылатые выражения и др. Выделяя особенности функционирования прецедентных феноменов в современной рекламе, авторы подчеркивают, что использование цитат и аллюзий в рекламном тексте должно быть рассчитано «на массового потребителя, а не на образованного читателя-филолога» [с. 268]. Текст не должен быть слишком сложен для декодирования, так как несостоявшаяся дешифровка рекламного текста вследствие употребления «малоизвестного прецедентного феномена, требующего у массового, среднего потребителя знаний, которыми он не обладает» [с. 269], неизбежно приведет к коммуникативной неудаче. Следует подробный анализ способов обыгрывания прецедентных текстов в языке рекламы, источником которых являются поэзия и художественная литература, фразеологические единицы, российские и зарубежные художественные фильмы и мультфильмы, музыкальные произведения, культурно-исторические реалии из таких сфер, как история, живопись, музыка и т.д. Существенным представляется утверждение Л. П. Амири о том, что «современная реклама может сама быть источником появления прецедентных рекламных текстов» [с. 286], особенность функционирования которых заключается в их «временной» прецедентности [с. 287].

В седьмой главе «Обыгрывание неоднозначности в рекламном тексте» исследуются процессы создания неоднозначности через обыгрывание полисемии и омонимии. Обращая внимание читателей на то, что речевая неоднозначность в рекламном тексте может быть намеренной или ненамеренной, Л. П. Амири особое внимание уделяет анализу намеренной речевой неоднозначности, которая может быть как приемлемой, так и неприемлемой, т. е. «нарушающей этические нормы и вызывающей общественный резонанс» [с. 304].

В монографии С. В. Ильясовой и Л. П. Амири представлены результаты глубокого и всестороннего исследования специфики функционирования игровых приемов и средств, используемых в языковой игре на различных уровнях языка – фонетическом, графическом, морфологическом, словообразовательном и лексическом. Теоретические выводы проиллюстрированы многочисленными примерами, свидетельствующими о том, что языковая игра представляет собой одну из характерных особенностей современного массмедийного и рекламного дискурса. Монография является оригинальным исследованием, которое содержит доказательные научные обобщения и богатый систематизированный фактический материал. Книга С. В. Ильясовой и Л. П. Амири будет интересна не только специалистам-филологам, но и самому широкому кругу читателей, интересующихся актуальными процессами в языке современных российских СМИ и рекламы.

Марина Радченко

Марія Львівна Дружинець: Українське усне мовлення: психологічний та соціофонетичний аспекти. Одеса, Одеський нац. ун-т, 2019, 580 с., ISBN 978-617-689-344-8

В європейському суспільстві, суспільстві з високим рівнем освіти й культури, неодмінно культивується висока оцінка зразкової літературної вимови. Саме цій проблемі присвячене монографічне дослідження Марії Дружинець, у якому представлено наукову кваліфікацію функційної природи орфоепічної синхронії в її проекції на психологічний та соціофонетичний специфіку з урахуванням глибинних діяхронічних процесів, що, на нашу думку, визначає максимальну актуальність рецензованої праці.

Монографічне дослідження п. Дружинець є першою працею, у якій досліджено нормативність усного українського мовлення у різних регіонах України: Південному, Західному, Східному, Північному, Центральному та за її межами – у Придністров'ї, державах Європи (Польща, Чехія, Італія, Німеччина, Молдова), Канаді, Америці, що уможливорює визначення статистики типових помилок та загального рівня володіння українцями орфоепічними кодифікованими мовними нормами. У роботі представлено нові дані про українську фоносемантику та звукову лінгвокольорову картину як національно-зумовлену систему, що функціонує на базі національної мови і відбиває особливості когнітивних структур національної свідомості, де саме кольори, «запрограмовані» на фоносемантичному рівні, як зазначає авторка, складають національну універсальну матрицю.

У монографічному дослідженні авторкою вперше розглянуто орфоепію в колі соціолінгвістичної парадигми із зазначенням прогресивних ліній її розвитку; виявлено й проаналізовано девіантні та деградаційні процеси сучасного українського усного мовлення в широкій амплітуді його безпосередніх виявів; представлено соціофонетичний опис мовлення української молоді, зокрема вимову голосних, приголосних, звукосполук українцями та європейцями, американцями, канадійцями українського походження, українцями-придністровцями; акцентовано увагу на гендерних особливостях сучасного мовлення української молоді; з'ясовано історичне коріння кожної орфоепічної норми, тим самим представлено діяхронічну ретроспективу. Проаналізовано й психолінгвістичний аспект українського усного мовлення – комплексно вивчено психофоносемантичні характеристики й кольорові асоціації українського вокалізму та консонантизму на обсяжному експериментальному матеріалі.

Розглядаючи українське усне мовлення у двох вимірах (психо- й соціофонетичні аспекти), авторка логічно визначає й два вектори предмета дослідження: 1) визначення рівня володіння орфоепічними нормами української літературної мови молоддю; 2) з'ясування психофоносемантики звуків української мови, що в цілому максимально увиразнює наукову вагу пропонованої розвідки і надає ємний комплексний матеріал про різноаспектну специфіку національної звукової системи.

Джерельною базою дослідження стали 42 позиції української літературної спадщини XVIII–XIX ст. (загальний обсяг 6070 с.), та безпосередній фактичний матеріал, отриманий експериментальним шляхом: 1) результати 20 експериментів, 2000 анкет; 2) результати соціопитування – 370 записів мовлення інформантів Південної, Північної, Центральної, Східної України, Придністров'я, Молдови, Канади, Америки, Європи, зафіксовані на аудіоносії загальною тривалістю 1850 хвилин (31 година). Така фактографічна база дає підстави казати про максимальну верифікованість та об'єктивність отриманих авторкою висновків і, безумовно, заслуговує на схвалення.

Логічною вважаємо структуру монографічного дослідження, що складається з переліку умовних скорочень, вступу, чотирьох розділів, висновків, списку використаної літератури та додатків, у яких конкретизовано результати експериментів, соціопитувань та наведено паспортизацію респондентів. Змістовною постає презентація навчального видання «Український орфоепічний стандарт», яке забезпечуватиме бездоганне володіння орфоепічними нормами, та видання «Українське усне мовлення українців на теренах України та за її межами: орфоепічний аспект», що додаються на електронних носіях.

Позитивно оцінюємо й ідею авторки про необхідність чіткої деталізації етапів формування орфоепічних норм, виявлення історичних коренів кожної вимовної норми, що вона переконливо робить, спираючись на писемні пам'ятки давньої, старої та нової української літературної мови, адже саме в них, як зазначає М. Л. Дружинець, відбилися вимовні риси, більшість із яких стала орфоепічною нормою сучасної української літературної мови. На особливу увагу заслуговує вичерпний аналіз пам'яток кінця XVIII–XIX століття, що є власним дослідженням п. Дружинець. Безперечно, фіксація живої народної вимови у писаних текстах дає можливість простежити процес формування української орфоепії, говорити про обґрунтованість, сталість певної вимовної норми, зробити переконливі висновки, що й представлено в монографічному дослідженні авторки.

Родзинкою двох останніх розділів в цілому є експериментальна частина, скерована зокрема на визначення рівня володіння орфоепією голосних, приголосних та звукосполук конкретними респондентами певної країни чи регіону України.

Норми вимови, як засвідчили спостереження дослідниці, перебувають у тісному зв'язку зі сферою діяльності мовців: представники негуманітарних спеціальностей удвічі частіше припускаються помилок у вимові. Рівень володіння орфоепічними нормами залежить не лише від локальних характеристик респондентів, а й від їхньої гендерної належності: він вищий у жінок і нижчий у чоловіків-респондентів обстежених регіонів України та інших країн.

Не викликає сумнівів і практична цінність роботи: матеріали дослідження можуть стати підґрунтям для укладання навчальних посібників, методичних рекомендацій, наукових розробок із проблем орфоепії та психофоносемантики, прислужатися студентам, дисертантам у написанні кваліфікаційних, кандидатських та докторських досліджень. Дані про символіку звуків оптимізуватимуть викладання рідної й іноземної мов, стануть у нагоді в перекладацькій діяльності тощо. Теоретичну цінність роботи увиразнює те, що вона прислужиться подальшій розбудові теоретичних підвалин сучасної української мови в цілому й історичної та сучасної орфоепії зокрема, поглибить доробок психолінгвістики та її психофоносемантичних аспектів у проекції на соціолінгвістичні виміри, що, у свою чергу, уяскравить практичний вектор виконаного дослідження.

Висновкова частина праці містить переконливі наукові узагальнення, побудовані на міцному фундаменті синтезу наукових ідей прагматики, комунікативної і сугестивної лінгвістики, соціо- та психолінгвістики.

Отже, рецензована праця, присвячена актуальній проблемі сучасного українського мовлення, містить глибинні висновки, які визначають наукову цінність монографічного дослідження М. Л. Дружинець «Українське усне мовлення: психо- та соціофонетичний аспекти», з яким ми рекомендуємо ознайомитися не лише науковцям-філологам, а й усім тим, хто цікавиться сучасним станом та історією української мови.

Алла Петрівна Романченко

Zofia Kozłowska, Anna Szczęsny: *Tłumaczenie pisemne na język polski. Kompendium*. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN, 2018, 296 s., ISBN 978-83-01-19747-6.

Již řadu let se v translatologických kruzích hovoří o jistém vyčerpání jazykovědné a literárněvědné translatologie. Vidění překladu z hlediska těchto klasických filologických disciplín není – zdá se – bezbřehou záležitostí a má své limity. Snad proto se translatologie od 90. let 20. století zaměřuje na zkoumání přesahů a styčných ploch s dalšími obory, jako jsou psychologie, sociologie, kulturologie či dokonce ekonomie a mediální studia. Ani řešení praktických překladových problémů, k němuž se dnes translatologie také obrací, není zřejmě nevyčerpatelnou studnicí témat. I dnes samozřejmě vyvstávají před překladateli a tlumočníky výzvy, jimž v minulosti čelit nemuseli. S rozvojem technologií a s globalizací se tak do hledáčku postupně dostaly například otázky audiovizuálního překladu, komunitního tlumočení, počítačem podporovaného překladu nebo role překladatelů v jazykovém průmyslu. Zdá se, že tedy nastala vhodná chvíle dosavadní poznání shrnout, bilancovat a pokusit se jej uzavřít do pevně stanovených mantinelů jedné knihy.

Polská translatologie takto očividně postupuje. V posledních deseti letech vyšla knižně řada starších kanonických textů, které do té doby v polském prostředí chyběly či byly špatně dostupné, mj. *Współczesne teorie przekładu. Antologia* (red. P. Bukowski, M. Heydel 2009; české a slovenské čtenáře potěší přítomnost textů J. Levého, R. Jakobsona a A. Popoviče). Proběhla také bilance a částečná revize lingvistiky překladu a jejího metajazyka: *50 lat polskiej translatoryki* (red. K. Hejwowski, A. Szczęsny, U. Topczewska 2009); *Zagadnienia lingwistyki przekładu* (R. Lewicki 2017). Nebývalý rozkvět lze zaznamenat na poli přehledových publikací encyklopedického charakteru, mj. *Mala encyklopedia przekładoznawstwa* (red. U. Dąbska-Prokop 2000) a *Nowa encyklopedia przekładoznawstwa* (red. U. Dąbska-Prokop 2010). Zvýšená pozornost je věnována i otázkám výuky překladu, mj. v kolektivní monografii *Problemy współczesnej glottodydaktyki i nauczania przekładu* (red. J. Mampe, H. Hinc, A. Jarosz, 2017). V neposlední řadě máme k dispozici i několik příruček praktického rázu, určených jak odborné veřejnosti, tak překladatelům a adeptům překladového řemesla, jako je *Poradnik tłumacza* (A. Belczyk 2004, 2009) a *Vademecum tłumacza* (K. Lipiński 2000).

V této situaci přichází dvojice zkušených autorek Zofia Kozłowska a Anna Szczęsny se svým *Kompendiem* zaměřeným na písemný překlad odborného textu. Obě autorky pocházejí z uznávaného vědeckého pracoviště (Ústav aplikované lingvistiky na Varšavské univerzitě), jež se ostatně na mnoha

ze jmenovaných publikací podílelo. Z tohoto odborného a ideového záze-
mí autorky také ve své knize bohatě čerpají. V oboru translatoologie (neboli
przekładoznawstwa, jež se jako pojem v polském vědeckém prostředí v po-
sledních letech výrazně prosazuje na úkor dříve preferované *translatoryki*)
se již stihly zapsat vlastními úspěšnými pracemi o překladu vědeckých textů
(*O przekładzie tekstu naukowego: Na materiale tekstów językoznawczych*
Kozłowska 1995, 2. vydání 2007), články z oblasti didaktiky překladu i vlast-
ní překladovou praxí. Zdánlivě tedy dostáváme do rukou jen další položku
v řadě polských překladových příruček, ačkoli autorky knihu představují
jako první publikaci svého druhu. V čem tedy spočívá její přínos?

Autorky knihu záměrně uspořádaly tematicky podle problémů, s nimiž se
překladatel setká na různých úrovních interpretace odborného textu. Prv-
ní kapitola je věnována nezbytnému teoretickému úvodu, v němž se autor-
ky stručně, výstižně a srozumitelně věnují objasnění základních bodů teorie
překladu: role a kompetencí překladatele, principů a zásad při překládání,
etap překladového procesu, chybět nemohou ani základní překladové techni-
ky a transformace, vždy ilustrované bohatým a výstižným jazykovým materi-
álem. Další kapitoly už jsou věnovány otázkám překladu psaného odborného
(neliterárního) textu, počínaje technicko-editorskými tématy a možnostmi
využití poznámek překladatele, až po otázku překladu vlastních jmen, reálií,
prvků třetího jazyka, terminologie apod. Už v těchto kapitolách je patrné, čím
se kniha tolik liší od ostatních: ani málo poučeného čtenáře (studenta, začí-
najícího překladatele) neodrazuje náročným výkladem, neunavuje věcnými
terminologickými spory, ale zachovává si čtivost a střízlivou pragmatičnost.

Velkým praktickým přínosem jsou kapitoly V a VI přinášející kategoriza-
ci nejčastějších překladových chyb a problémů. O podobný přehled se u nás
pokusil už Edvard Lotko (*Čeština a polština v překladatelské a tlumočnické
praxi*, 1986) a někteří další, v Polsku jej na špičkové vědecké úrovni popsal
mj. Krzysztof Hejwowski (srov. *Kognitywno-komunikacyjna teoria przekła-
du 2004*, *Iluzja przekładu*, 2015). Autorky tudíž mají možnost pojmout toto
téma nejen stručněji, ale opět i přístupněji a srozumitelněji. Stručně řečeno,
recenzovaná kniha jako jedna z mála nehřeší na přílišnou odbornost, aniž by
složitější témata banalizovala. Čtivosti napomáhá i osobnější tón, jakým se
autorky obracejí na své čtenáře: vycházejí z konkrétních osobních zkušeností
při výuce, radí, co se osvědčilo, dávají nahlížet do své didaktické kuchyně. To
je další aspekt, který ocení mnozí vyučující překladových předmětů: na jejím
základě lze totiž připravit celý, snad i vícesemestrální kurz překladu, a z ohla-
sů mezi kolegy vím, že se tak už děje.

V předmluvě autorky uvádějí, že se pokusily o univerzální příručku bez vaz-
by na konkrétní výchozí jazyk (jazykem cílovým je zde nutně polština). V pra-

xi je však převážná část materiálu ilustrována (kromě hojnější francouzštiny a němčiny) na překladu z ruštiny a bez alespoň základní znalosti azbuky a ruského jazyka se její uživatel neobejde. V knize najdeme i řadu pasáží určitých výhradně překladatelům z ruštiny (např. s. 251). Zde je tudíž na místě jediná výtka: kniha vyvolává dojem určité rozháranosti mezi snahou o univerzalitu a úzce bilaterální rusko-polskou specializací, jež snad byla prvotním autorským záměrem. O to více ji však ocení rusisté či obecněji slavisté.

Z praktických rad (přítom vždy dobře ukotvených v teorii), které tato téměř třísetstránková kniha přináší, by bylo možné nejen složit „desatero překladatele“, jak ostatně autorky samy činí v závěrečném oddílu, ale snad celý *centilog*, v němž by každé ze sta přikázání mělo svou platnost a své opodstatnění. Zmíněnou závěrečnou kapitolu shrnující dobré rady překladatelům – co dělat vždy a co nedělat nikdy – já osobně používám v překladovém semináři jako vhodný text k diskusi a – metatextově – i jako předmět překladu.

Takto komplexně pojatá příručka pro začínající i pokročilé překladatele na polském trhu dlouho chyběla a svou roli plní na výbornou. Česká – nejen slavistická – translologie na svou první skutečně *user friendly* příručku dosud čeká.

Jan Jeništa

Тамара Гундорова: Післячорнобильська бібліотека: Український літературний постмодерн. Київ: Критика. 2013. 342 с. ISBN 978-966-8978-68-5.

Ukrajinská literární postmoderna či neomoderna začíná podle prof. Tamary Hundorové kolem roku 1990 a její nástup je podmíněn několika událostmi, které jsou z různých aspektů představeny v knize *Postčernobylská knihovna*. Prof. Hundorová, vedoucí oddělení teorie literatury Institutu literatury AV Ukrajiny, členka vědeckého komitétu Národní rada Ukrajiny pro rozvoj vědy a techniky při Kabinetu ministrů Ukrajiny, se zabývá především vývojem ukrajinské literatury po roce 1991 a slovní spojení „postčernobylská knihovna“ používá jako metaforu ukrajinského postmodernismu přelomu 20. a 21. století.

Svojí strukturou je publikace vzdálená klasickým přehledům literárního vývoje či výtčům autorů a děl. Jedná se spíše o soubor esejů psaných neformálním jazykem, bez zbytečné terminologické zátěže. Samotná devadesátá léta rozděluje Hundorová na dvě fáze. V první fázi se oslavuje nabytá svoboda, revidují se dřívější tradice, objevují se snahy o zaplnění „necelistvosti“ ukrajinské literatury. V druhé fázi pak můžeme sledovat silící konfrontaci mezi různými literárními skupinami a zvyšující se poptávku po didaktické tvorbě. Dále pak Hundorová sleduje tři přední kulturní a estetické orientace v 90. letech: „neonárodovost“, neomodernismus a postmodernismus. S těmito orientacemi koexistují v souladu s generančním principem tři generace: staří spisovatelé „šedesátníci“ (L. Kostenko, V. Ševčuk, Ju. Mušketyk) a disidenti (M. Rudenko, I. Kaly nec), ti jsou zároveň spisovateli poslední fáze existence Sovětského svazu (V. Herasymjuk, O. Zabužko, Ju. Andruchovyč, M. Moskalec). Druhou generací jsou tzv. osmdesátníci, z nichž část, politicky nezaangažovaná, vykazuje ve své tvorbě postmoderní tendence (V. Cybulko, V. Neborak). Druhá část osmdesátníků kultivuje neomoderní sklon k vysoké literatuře (J. Paškovskij, V. Medvid'). A třetí generaci představují tzv. devadesátníci, pro něž je typický estetický pluralismus – od klasicistního k avantgardnímu.

Hlavním tématem knihy je problematika chronologie ukrajinské postmoderní literatury. Stanovení počátku postmoderní éry ukrajinské literatury konkrétním letopočtem či vydáním Andruchovyčovy *Rekreace* (1992) Hundorovou neuspokojuje, proto navrhuje jako určitý mezník použít jednu z největších jaderných katastrof v dějinách lidstva – výbuch Černobylské elektrárny. Literární kánon se pak dá rozdělit na postkoloniální a imperiální. Výbuch Černobylu se časově překryl s procesem rozpadu Sovětského svazu. Historici

(I. Patryljak, J. Latyš) se shodují, že výbuch elektrárny byl rozhodně katalyzátorem rozpadu svazu a měl vliv i na úpadek socialistického realismu. Hundorová akcentuje fakt, že socialistický realismus převzal nacionalistickou koncepci typickou pro ukrajinskou literaturu, přičemž jí dodal statut masové kultury. Následně pak v této formě znehodnotil podstatu ukrajinské kultury, její etnickou složku a pokřivil podobu modernistických a avantgardních projevů v ukrajinské literatuře 20. století (M. Semenko, V. Domontovyč).

První část publikace představuje černobylský diskurz, osvětluje jazykovou krizi sémantické roviny ukrajinštiny, loučí se s klasikou a uvádí nového „postmoderního“ hrdinu (majícího marginální sociální statut), který se v mnohém liší od dřívější koncepce velkého hrdiny.

Generační klasifikace užívaná v ukrajinské literární vědě do konce 20. století začíná v případě nové nastupující „postmoderní“ generace podle Hundorové působit poněkud uměle. Sama proto nazývá jednotlivá uskupení či individuální tvorbu terminologií blízkou jejímu obsahu, např. karnevalová varianta postmoderní skupiny Bu-Ba-Bu, rétorická apokalypsa Jurko Izdryka, feministický postmodernismus Oxany Zabuzko, grotesky kyjevského undergroundu Dibrova, Žoldak, Podervjanskij či neoavantgarda (S. Žadan, V. Cybulko). Nutno podotknout, že výčet autorů v publikaci není zcela kompletní, v souvislosti s vybranými jmény spíše naznačuje tendence a směry v ukrajinské „počernobylské“ literatuře.

Své podstatné místo mají v publikaci teze opírající se o postkoloniální literární teorii s odkazem na studie Hryhorije Hrabovyče, profesora ukrajinské literatury na Harvardově univerzitě a hlavního redaktora časopisu *Kritika*. Jednou z otázek, které si Hundorová klade, je, zda: „[...] má postmodernismus nové mechanismy ztělesňování postkoloniálních myšlenek, nebo naopak postmodernismus transformuje postkolonialismus na estetickou hru a tržní hodnotu, přičemž snižuje jeho kulturní odpor?“ Odpovědi je možné najít v článku profesora australské Monášovy univerzity Marko Pavlyšyna s názvem *Kozáci na Jamajce: postkoloniální rysy v současné ukrajinské kultuře* (1994), kde tyto dva pojmy téměř ztotožňuje. Pro zajímavost dodejme, že za necelých 20 let vyšlo najevo, že postmodernismus nebyl schopen odstranit vzájemnou averzi centra a periferie, a to ani hravým až ironickým způsobem. Pavlyšyn ve svém článku *Návrat koloniální rezignace* (2013) připomíná aktuálnost termínu koloniální a antikoloniální, především v souvislosti se vztahy Ukrajiny a Západu. Podobným způsobem s těmito termíny pracuje i Hundorová.

Pozornost je dále věnována ukrajinské literární tvorbě v diaspoře, která je a vždy byla pro ukrajinskou literaturu velmi důležitou a neoddělitelnou součástí v celém jejím vývoji. Hundorová zvláště odděluje ukrajinskou masovou

literaturu (meta-historické romány V. Koželjanka, pornograficko-erotické dílo J. Vynnyčuka, pseudodetektivky J. Kononenkové apod.).

Obecně je možné tvrdit, že se Hundorová zaměřuje hlavně na stylistickou a estetickou problematiku, klade důraz na ironickou hru, osvětlení apokalyptických pocitů, na marginální postavení hrdinů. Při tom zvládá kriticky přehodnotit národní kulturu představenou v tabuizovaných toposech a obrazech. Výběr autorů a jejich individuálních pojetí reality dokazuje neuvěřitelnou pestrost, různorodost uměleckých přístupů, hledání a i vyrovnávání se s dobou nedávno minulou i tou současnou, se všemi traumaty i konflikty. Zdá se, že rozdílnost autory spojuje více než jednomyslnost. Za konec ukrajinské postmoderny považuje Hundorová Pomerančovou revoluci – karneval, který z kulturní akce přerostl v politický konflikt. Jak uzavírá knihu autorka: „[...] jen díky tomu, že postmodernismus naučil postsovětského člověka oslavovat svobodu, vyšli Ukrajinci do ulic a nevzali si do rukou zbraně.“ (s. 334)

Radana Merzová